УДК 821.161.1.0 DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.2.2
Научная статья

Е. Ю. Шестакова[1]
✉ shestackova.lena2013@yandex.ru
[1]Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) Федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске, г. Северодвинск, Российская Федерация

Художественная модель человека и бытия в малой прозе о детстве А. Т. Аверченко

Аннотация: Целью настоящей статьи является раскрытие своеобразия воплощения художественной модели человека и бытия в рассказах о детстве А. Т. Аверченко. Методология исследования базируется на сравнительно-историческом, описательном, биографическом, культурно-историческом методах. Одной из особенностей воплощения модели человека и бытия в рассказах о детстве А. Т. Аверченко становится противопоставленность ребенка и взрослого. Задачей писателя стало обнажение ограниченности взрослого мировосприятия. В детях сосредоточено положительное начало, они являются воплощением чистоты, искренности, доброты и здравого смысла. Модель детского мира структурируется особым образом. Временной континуум как значимый миромоделирующий уровень структурируется так, что год обладает большей протяженностью, чем в восприятии взрослого героя. Модель бытия мира героя-ребенка включает мотив чудесного. Окружающая действительность предстает необычной, вызывает восторг и удивление. Для малой прозы о детстве А. Т. Аверченко свойственна особая субъектная организация текста, центром которого является герой-ребенок. В рассказах раскрывается многогранность детских характеров. Тема детства в дооктябрьский период решена в юмористическом ключе, в эмиграции обретает трагическое звучание, появляются образы детей, пережившие происходившие в России катастрофические изменения. Художественная модель бытия связывается с представлением о раннем взрослении ребенка. Трагическая действительность приводит к потере безмятежности детства. Смысловая пространственная модель бытия строится с помощью приема оппозиции: «расколотый мир» взрослых / гармоничный мир детей. Война осмысляется нормой. Хронотопическая модель реализуется через протяженный временной континуум. Возникает ностальгия об утраченном детстве.

Ключевые слова: художественная модель, человек и бытие, малая проза, тема детства, образ ребенка, А. Т. Аверченко.

Дата поступления статьи: 30 октября 2023 г.

Для цитирования: Шестакова Е. Ю. (2024) Художественная модель человека и бытия в малой прозе о детстве А. Т. Аверченко. Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 18, № 2, с. 19–27. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.2.2.

Scientific article

E. Yu. Shestakova[1]
✉ shestackova.lena2013@yandex.ru
[1]Humanitarian Institute of the branch Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk, Severodvinsk, Russian Federation

Artistic model of man and existence in small prose about the childhood of A. T. Averchenko

Abstract: The purpose of this article is to reveal the originality of the embodiment of the artistic model of man and existence in stories about the childhood of A. T. Averchenko. The research methodology is based on comparative historical, descriptive, biographical, cultural, and historical methods. One of the features of the embodiment of the model of man and existence in the stories about A. T. Averchenko's childhood is the contrast between the child and the adult. The writer's task was to expose the limitations of an adult worldview. Children have a positive focus; they are the embodiments of purity, sincerity, kindness, and common sense. The model of the children's world is structured specially. The time continuum as

© *Е. Ю. Шестакова, 2024*

a significant world-modeling level is structured in such a way that a year is longer than in the perception of an adult hero. The child hero's model of being in the world includes the motif of the miraculous. The surrounding reality appears unusual, causing delight and surprise. Short prose about childhood by A. T. Averchenko is characterized by a special subjective organization of the text, the center of which is the child hero. The stories reveal the versatility of children's characters. The theme of childhood in the pre-October period is solved in a humorous manner, in emigration, it takes on a tragic sound, and images of children appear who survived the catastrophic changes that took place in Russia. The artistic model of existence is associated with the idea of a child's early growth. The tragic reality leads to the loss of the serenity of childhood. The semantic spatial model of existence is built using the technique of opposition: the "split world" of adults / the harmonious world of children. War is interpreted as a norm. The chronotopic model is realized through an extended time continuum. There is nostalgia for a lost childhood.

Keywords: artistic model, man and existence, short prose, theme of childhood, image of a child, A. T. Averchenko.

Paper submitted: October 30, 2023.

For citation: Shestakova E. Yu. (2024) Artistic model of man and existence in small prose about the childhood of A. T. Averchenko. Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 18, no. 2, pp. 19–27. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2024.18.2.2.

Введение

Целью настоящего исследования является раскрытие особенностей воплощения художественной модели человека и бытия в рассказах о детстве русского писателя первой половины XX века Аркадия Тимофеевича Аверченко. Малая проза автора впервые рассмотрена сквозь призму миромоделирующего анализа, являющегося актуальным направлением современного литературоведения. Миромоделирующие принципы и закономерности художественных текстов разных авторов изучены в работах И. Б. Аванесян «Художественная модель мира в произведениях отечественных писателей конца XX – начала XXI вв. в парадигме христианской духовности» (Ставрополь, 2020), Г. Т. Гариповой «Принципы миромоделирования в русской прозе XX века: неклассическая парадигма художественности» (Владимир, 2021), Е. А. Тозыяковой «О. И. Сенковский – барон Брамбеус: принципы художественного миромоделирования» (Томск, 2007), Ю. А. Эмер «Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ» (Томск, 2011) и др. Малая проза А. Т. Аверченко о детях еще не становилась отдельным предметом научных изысканий, что составляется новизну исследования.

Методы

Методология исследования основывается на сравнительно-историческом, описательном, биографическом, культурно-историческом методах.

Результаты

Рождение Аркадия Тимофеевича Аверченко приходится на последнюю треть XIX столетия. Свое гимназическое образование будущему писателю не удалось завершить, так как в детстве он травмировал глаз. А. Т. Аверченко достаточно рано вступает во взрослую жизнь, с подросткового возраста он начинает работать. Причем избирает для себя тяжелый физический труд на руднике. Эта деятельность продлилась довольно долго, целых три года. Позже пережитое и передуманное нашло отражение в рассказах 1916 года «Вечером» и «Молния». Постепенно А. Т. Аверченко начинает осознавать, что он хотел бы посвятить себя творчеству. Писатель останавливается в Харькове и начинает публиковаться. В начале XX века, 1902 году, в газете «Южный край» появляется рассказ А. Т. Аверченко «Умение жить». Он вступает в мир журналистики, становится редактором журналов «Штык» и «Меч». Потом писатель начинает понимать, что ему тесно в провинции, поэтому переезжает в Санкт-Петербург. Именно там он обретает узнаваемость, популярность. А. Т. Аверченко погружается в сатирическую литературу и журналистику. Он занимает должность секретаря сатирического журнала «Стрекоза», где юмор является «главным действующим лицом» (Николаев, 1993, с. 150). Первая треть XX века становится временем творческого взлета писателя. В этот период создается известная, оригинальная юмористическая малая проза

А. Т. Аверченко. Многое писатель смог почерпнуть из европейской поездки. После этого путешествия, в 1912 году, появляется книга «Экспедиция сатириконцев в Западную Европу».

Жизнь А. Т. Аверченко меняется после революции 1917 года. Прежняя сатирическая творческая деятельность в новых исторических условиях оказалась невозможной. Власть отрицательно отнеслась к взглядам, отраженным в журнале «Новый Сатирикон», и запретила его дальнейший выход. Сам А. Т. Аверченко не приветствовал революцию и изменения, которые за ней последовали. Он решает покинуть Петербург и уехать в Севастополь. Там писатель вновь возвращается к журналистской деятельности, высказывая поддержку «белому» движению. В 1920 году А. Т. Аверченко принимает твердое решение покинуть родину и эмигрировать. Поселившись в Париже, он продолжает творческий путь, публикуя «памфлеты» о революции, содержащие размышления о происходящем в послеоктябрьской России. Эмигрантский период связан с постоянными переездами писателя. Во время проживания в Берлине он выпускает сборник «Записки Простодушного» (1923). Оторванность от родины, невозможность изъясняться на русском языке приводила к тягостному эмоциональному состоянию. А. Т. Аверченко делится своими переживаниями о трудной жизни русского писателя в чужой стране в рассказах начала 1920-х гг.

Среди всего многообразия произведений писателя особое место занимают тексты, которые обращены к детству. Собственное детство А. Т. Аверченко прошло в Севастополе. В его рассказах Севастополь – «однообразный» город, в котором ничего не происходит. Маленького Аркадия не устраивал город, в котором он жил: «Меня, десятилетнего пионера в душе, местожительство отца не удовлетворяло» (Цит. по: Левицкий, 1999, с. 441). Большую часть своего детства мальчик был предоставлен сам себе. Неотъемлемой частью детских воспоминаний А. Т. Аверченко является «безмятежное купание с десятком других мальчиков в Хрустальной бухте», «шатание по Историческому бульвару с целым ворохом наворованной сирени под мышкой» (Аверченко, 1989, с. 102). С теплотой писатель вспоминает потом в рассказах неразлучных своих приятелей – Мотю и Шашу («Молодняк»): «Мотька постепенно сделался объектом нашей товарищеской гордости» (Аверченко, 1989, с. 185). Детство «короля смеха» было не слишком веселым. В его рассказах проскальзывают намеки на одиночество, ненужность, непонятость. В особенно грустные минуты мальчик попросту уходил «на несколько верст от города и, пролеживая целыми днями на пустынном берегу моря, у подножия одинокой скалы, мечтал» (Аверченко, 1989, с. 165). В самом городе лучше было держаться своего района, иначе тебя с готовностью «отлупят местные»: «Как во всякой борьбе за существование сильные пожирали слабых» (Аверченко, 1989, с. 178). Отзвуки нелегкого детства писателя слышны в рассказе «Двуличный мальчик» (1915). Судьба Алешки из этого произведения напоминает судьбу самого писателя тем, что и ему в раннем возрасте случилось самому зарабатывать на жизнь.

Аркадий Аверченко в своем творчестве часто обращается к детству, детским образам, раскрывает многогранность детских характеров и психологии ребенка. Тема детства в доэмигрантский период творчества писателя пронизана теплым юмором и смехом: «Мишка встал и пошел в темную комнату тети, придерживая рукой сердце, готовое разорваться от тоски и уныния… Зашел за ширмы и присел, но сейчас же, решив, что такая поза для покойника не подходяща, улегся на ковре» (Аверченко, 1989, с. 143). Обращение к детству позволяет А. Т. Аверченко высмеять нелепость обыденного взрослого мира. В малой прозе о детстве выстраивается особая модель бытия и человека, в основе которой лежит оппозиция, противопоставленность героя-ребенка и зрелого персонажа. Детские образы в наибольшей степени представлены в сборниках «О маленьких для больших» (1916), «Шалуны и ротозеи» (1915). Здесь автор затрагивает вопросы ограниченности мировосприятия взрослого человека, малосодержательность школьного обучения. В произведениях он обнаруживает светлое начало в детях. Уродливая обыденность особенно отчетливо видится ребенку с его чистым и наивным взглядом на мир: «Все эти неуловимые для грубого глаза штрихи я подметил в детстве, только в моем нежном восприимчивом детстве, когда все так важно, так значительно» (Аверченко, 1985, с. 182). В рассказе «Рождественский день у Киндяковых» повествуется о том, как мать ругает сына: «Ты чего тут под рукой расселся! И что

это за паршивые такие дети, они готовы мать в могилу заколотить» (Аверченко, 1989, с. 68). Для А. Т. Аверченко дети – воплощение чистоты, искренности, наивности, доброты, они полны чувства собственного достоинства и здравого смысла. Перед нами предстает особая субъектная организация текста, смысловым центром которого становится герой-ребенок. Вера («Нянька»), заметив ноги Мишки, который залез к ним во двор, задает: «Чии это ноги? Это твои ножки?» (Аверченко, 1989, с. 148).

Пребывая в эмиграции, писатель вновь пишет о детях. К детству он «обращается в тяжелые минуты своей жизни как к спасительному источнику непреходящих ценностей» (Коротких, 2002, с. 29). В этот период детская тема у А. Т. Аверченко звучит по-новому – трагически. Писатель воссоздает образы детей, которые вместе со своей страной испытали трагические последствия исторических изменений. События, разворачивающиеся в Советской России, оказывают большое негативное воздействие на детей. Они утрачивают семью, любящее окружение, заботу и тепло родного дома. Особого внимания в этом контексте заслуживает рассказ «Миша Троцкий» (1920). Маленький герой теряет то, что составляет основу его мира, семью, возможность читать, дружить, общаться. Возникает образ «ребенка без традиций», становящегося «материалом для колонии малолетних преступников» (Аверченко, 1985, с. 88). Мальчику доводится быть свидетелем того, что «сегодня убили девятнадцать живых людей» (Аверченко, 1985, с. 88). Перед читателем возникает модель бытия и человека (ребенка), вбирающего коннотации аномальности, апокалиптичности. Миша – мальчик с «расплющенным сердцем», который «смотрит невидящими глазами в стену» (Аверченко, 1985, с. 88), ребенок с гибнущей душой. Писатель указывает на виновников этого «преступления» – «отцов», «на совести» которых «тысячи пудов преступлений» (Аверченко, 1985, с. 100). Здесь звучит острая, обличающая интонация автора, обвиняющего отца Миши в «подлом, отвратительном, как и прочие его убийства... преступлении» (Аверченко, 1985, с. 100).

Отзвуки полного недетских впечатлений детства слышны и в рассказе «Трава, примятая сапогом» (1921). В центре произведения – образ восьмилетней девочки, которая в своем возрасте уже знает об экономическом положении своей страны: «Разве теперь можно обзаводиться семьей? Все так дорого», рассуждает о внешнеполитической ситуации как вполне зрелый взрослый человек: «Ватикан никак не реагирует на эксцессы большевиков» (Аверченко, 1989, с. 161). Художественная модель бытия, выстраиваемая в тексте, соположена с понятиями раннего взросления ребенка. Страшная, трагическая действительность заставляет детей терять безмятежность, «невинность» детства. След от этих раздумий и нелегкой жизни остается на ее «безмятежном лбу» – «глубокая поперечная морщина» (Аверченко, 1989, с. 161). Девочка хорошо разбирается в том, как стреляет настоящий пулемет, может отличить «трехдюймовку» от шрапнели, от «бризантного снаряда» (Аверченко, 1989, с. 161). Военная действительность воспринимается ребенком нормой, потому что стрельба сопровождает всю ее недолгую жизнь. Хронотопическая модель реализуется автором через особый миромоделирующий уровень (временной континуум), обладающий характеристиками протяженности, когда происходит несовпадение настоящего времени жизни героини и ее жизненного опыта. Она утверждает: «Поживи с мое, еще не то узнаешь» (Аверченко, 1989, с. 163).

Героине удается сохранить свою душевную чистоту, соединенную с наивностью и непосредственностью. Так, она говорит о котенке, которого хочет, чтобы ей подарили: «Чтоб у него был розовенький носик и черненькие глазки. Я ему голубенькую ленточку с малюсеньким таким золотым бубенчиком привяжу» (Аверченко, 1989, с. 163). Маленькую героиню автор сопоставляет с нежной «травой», которую безжалостно уничтожают «хамы в огромных тяжелых сапожищах, подбитых гвоздями» (Аверченко, 1989, с. 164). Однако детская душа обладает особой живучестью, умением, как и «примятый стебелек», «опять подниматься и под теплым дыханием дружеского ветерка шелестеть о своем, о малом, о вечном» (Аверченко, 1989, с. 164).

Смысловая пространственная модель бытия малой прозы А. Т. Аверченко включает антиномию: страшный, расколотый мир взрослых и гармоничный мир детей. В сборнике

«О маленьких для больших» «писатель противопоставляет жестокому миру взрослых свежесть восприятия, чистоту и бесхитростную правду детского мирка» (Спиридонова, 1999, с. 78). В рассказе «Отец» (1910) герой не встречает взаимопонимания со своим отцом: «Я не мог понять его увлечений, скептически относился к пароходам, и, когда он подарил мне один пароход, думая привести этим в восторг, я хладнокровно, со скучающим видом потрогал какую-то деревянную штучку на носу крошечного судна и отошел» (Аверченко, 1989, с. 191). В центре повествования «В ожидании ужина» (1916) находится образ героя-ребенка, который с позиции своего чистого детского взгляда наблюдает за приходящими к ним в дом гостями: «Эти особенности гостей прежде всего запоминались мною благодаря многочисленным фальшивым поцелуям и объятиям» (Аверченко, 1989, с. 181).

Для творчества А. Т. Аверченко о детях характерен юмор, выраженный, например, через авторские характеристики героев-детей. Так, о мальчике из рассказа «Блины Доди» (1916) писатель говорит: «Он страшный приобретатель... Хочу, чтобы дом был мой... Хочу, чтобы снег был мой» (Аверченко, 1989, с. 79). Юмор пронизывает описание действий маленьких героев: «трехлетний крошка» ударяет спящего по голове большой палкой и задает после его пробуждения вопрос: «Что ты лопаешь?» (Аверченко, 1989, с. 170). Писатель чутко улавливает специфику детского миропостижения, свойственного не только всем детям, но каждому из них: «Знакомясь с одним трехлетним мальчиком крайне сосредоточенного вида, я взял его на колени и, не зная, с чего начать, спросил: – Как ты думаешь: как меня зовут? Он осмотрел меня и ответил, честно глядя в мои глаза: – Я думаю – Андрей Иваныч. На бессмысленный вопрос я получил ошибочный, но вежливый, дышащий достоинством ответ» (Аверченко, 1989, с. 303).

В сборник «О маленьких для больших» А. Т. Аверченко помещает рассказы, в которых основное внимание сосредоточено на детской психологии. Модель бытия в малой прозе о детстве выстраивается сквозь призму детского взгляда на мир. «О маленьких для больших» – «это книга о детях, вся она дышит свежестью, правдой и весной, той легкостью и простотой, которую всюду приносят с собой дети» (Пильский, 1916, с. 323). Ребенок в рассказах сборника предстает наивным и доверчивым. Мальчик («Грабитель») общается с грабителем, так как «был мал, доверчив и не думал, что люди так подлы» (Аверченко, 1989, с. 55). Наивной верой поражает Лидочка («Вечером»), которая искренно считает, что мальчик слопал жабу: «Ай! Съел жабу?» (Аверченко, 1989, с. 72). Искренние «обильные слезы» появляются у героини, так как она не может найти для своего собеседника «страшную невесту» (Аверченко, 1989, с. 72). Для героя-ребенка А. Т. Аверченко свойственны быстрые смены настроения. Так, еще не просохли слезы на глазах Лидочки от нанесенной ей «обиды» (взрослый рассказчик придумал ей «страшного жениха»), а она уже проявляет любопытство перед загадкой природы. Девочка разглядывает взрослого героя в отверстие для ключа и производит целый «эксперимент»: «Что если ключ держать к глазу близко, то я виден весь, а если отодвинуть, то только кусок меня» (Аверченко, 1989, с. 73). Необыкновенно трогательную любознательность проявляет ребенок, с уст которого безостановочно «льются» вопросы «зачем» и «почему»: «А что такое блины?», «Чьи это ножки?», «Что ты лопаешь?», «А зачем?», «Что ты делаешь?» («Вечером»). Речь маленьких героев писателя поражает своей «изобретательностью». Так, маленькая девочка из рассказа «Трава, примятая сапогом» пожелает приобрести не котят, а «котенков», а маленький братик Карасик, не выговаривая букву «к», скажет: «Он дурат. Тат будто это его тонфеты» (Аверченко, 1989, с. 68).

Ребенок у А. Т. Аверченко – проказник и шалун, но в то же время он «славный ребенок». Так, дни мальчика Сашки из рассказа «Славный ребенок» полны «тихих детских радостей: он украл у квартиранта полкоробки красок и кисточку, затем пристав описывал в гостиной мебель» (Аверченко, 1989, с. 59). Сашка – хитрый мальчик, причем «хитрость у него чисто звериная, упорная, непоколебимая» (Аверченко, 1989, с. 59). Писатель показывает капризность ребенка. Саша делает все наоборот, если мама предложит ему котлеты, он будет требовать яиц. Если она принесет яйца, то вновь потребует котлет. При этом мальчик безусловно привязан у матери, любит ее. Однако «любовь эта странная – полное отсутствие жалости и легкое презрение» (Авер-

ченко, 1989, с. 60). Писатель «изображает детскую веру в авторитет взрослых, наивный реализм» (Коротких, 2002, с. 51). Когда мать говорит: «Ну, и пухни с голоду», мальчик, «заинтересованный этой перспективой, сидит, ни до чего не дотрагиваясь, минут пять, потом пробует живот: не распух ли?» (Аверченко, 1989, с. 63).

В сборнике «Дети» (1922) А. Т. Аверченко рассказывает, почему его любят дети: «С детьми я прикидываюсь невероятно наивным. Может быть, в глубине души малыш будет даже немного презирать меня. Пусть. Зато он чувствует свое превосходство, милостиво берет меня под свою защиту, и душа его раскрывается передо мной, как чашечка цветка перед лучом солнца» (Аверченко, 1989, с. 178). В рассказе «Дети» (1922) взрослый повествователь легко находит путь к детскому сердцу: «Я слышал, что детская душа больше всего любит прямоту и дружескую откровенность. Поэтому я решил действовать начистоту... Я вам запрещаю три дня учить уроки!» (Аверченко, 1989, с. 130). Детей такое положение вещей очень обрадовало, и «крик... радости вырвался из трех грудей» (Аверченко, 1989, с. 130).

О поражающей детской логике, детском мышлении автор пишет в рассказе «Дети». Мальчики считают, что если невеста боится мышей, то она не достойна стать женой: «Мы боимся, что вы с ней поженитесь. Несчастным человеком будете... она мышей боится» (Аверченко, 1989, с. 132). Дети не обделены желанием понаблюдать за взрослыми: «А мы с Лелькой лежали под диваном... А Гришка на подоконнике за занавеской сидел» (Аверченко, 1989, с. 132). Интерес представляет и колоритная речь мальчиков. «Слякотью» они называют «глупую тетку», которая «визжит как сумасшедшая», а на вопрос «как твои дела?» отвечают не как иначе, как «превосхитительно» (Аверченко, 1989, с. 132).

Ребенок у А. Т. Аверченко старается вызвать жалость к себе со стороны взрослого, воображая свою возможную смерть. Миша («Человек за ширмой») думает: «Небось теперь-то на меня никто не обращает внимания, а когда я к вечеру буду мертвым – тогда небось заплачут» (Аверченко, 1989, с. 142). У мальчика особые представления о правде и несправедливости. Так, он возмущается на «вечные попреки, притеснения из-за какого-нибудь лишнего яблока или из-за разбитой чашки» (Аверченко, 1989, с. 142). С юмором повествует писатель о рассуждениях мальчика над тем, какой переполох поднимется в доме, «когда найдут в тетиной комнате за ширмой маленький труп»: «Прибежит мать: “Пустите меня к нему! Это я виновата!” – “Да уж поздно!” – подумает его труп и совсем, навсегда умрет...» (Аверченко, 1989, с. 143). Мечты о смерти прерывает встреча тети с офицером, который обещает ей отдать свою жизнь за нее. На мальчика, который «чрезвычайно любил все героическое», слова офицера произвели яркое впечатление. Миша мечтает: «Настя! – говорит мужественный офицер. – Сейчас я буду жертвовать за тебя жизнью...» Тетя плачет... Трах! И голова падает с плеч, а палач по Мишкиному шаблону в таких случаях скрещивает руки на груди и хохочет оскорбительным смехом» (Аверченко, 1989, с. 146). Здесь писатель передает своеобразие детской психологии. Миша не может понять значение переносного выражения «сойти с ума»: «Когда сходят с ума, начинают прыгать по комнате, рвать книги, валяться по полу и кусать всех за ноги!» (Аверченко, 1989, с. 146). Мальчик приходит к «серьезному» умозаключению о том, что должно влиять на появление в семье детей: «Наверное... без мужа их не бывает. Нельзя. Некому кормить» (Аверченко, 1989, с. 146).

Один из рассказов А. Т. Аверченко носит название «О детях», который имеет подзаголовок «Материалы для психологии». Автор отмечает: «У детей всегда бывает странный, часто недоступный пониманию взрослых уклон мыслей. Мысли их идут по какому-то накатанному пути; от образов, которые складываются в их мозгу, веет прекрасной дикой свежестью» (Аверченко, 1989, с. 41). Во всех трех миниатюрах, составляющих рассказ, повествуется о детях, особенности мировосприятия и образ мыслей которых взрослому нелегко понять: «Легче девочке постигнуть психологию спящего слона, чем взрослому человеку – психологию девочки» (Аверченко, 1989, с. 41).

А. Т. Аверченко создает яркие, индивидуальные детские характеры. В рассказе «Блины Доди» писатель обращается к образу мальчика, характер которого «едва-едва начинает намечаться», «но грани этого характера выступают довольно резко: он любит всякий шум, чем бы и кем бы он ни был произведен; боится тишины, инстинктивно, вероятно, чувствуя в ней начало смерти»

(Аверченко, 1989, с. 287). Модель детского мира построена иным способом, нежели это принято у взрослых. Временной континуум как значимый миромоделирующий уровень структурируется так, что «для пятилетнего ребенка протекший год – это что-то такое громадное, монументальное», он «наглухо заслонил от Доди прошлогодние блины» (Аверченко, 1989, с. 288). Ряд вопросов, задаваемых повествователем, выражает особенности детского мировосприятия: «Что такое блины? Едят их? Можно ли на них кататься? Может, это народ такой – блины?» (Аверченко, 1989, с. 288).

Модель бытия мира и героя-ребенка рассказов А. Т. Аверченко содержит элемент чудесного. В ребенке все его окружающее, все самые обыденные и ничего не значащие для взрослого вещи вызывают восторг и удивление: «Положив подбородок на край стола, Додя надолго застыл в немом восхищении... Какие красивые тарелки! Какая чудесная черная икра... Что за поражающая селедка, убранная зеленым луком...» (Аверченко, 1989, с. 289). Маленькие герои Аркадия Аверченко могут разочаровываться в чем-либо так же, как взрослые. Однако взрослые могут делать это «тихо», у пятилетнего же Доди «тихий плач переходит в рыдание»: «Как они не хотят понять, эти тупоголовые дураки, что... Додя разочаровался в блинах» (Аверченко, 1989, с. 290).

Модель мира детства малой прозы А. Т. Аверченко включает устремленность к пространству пути, передвижению. В рассказах появляются дети-мечтатели, искатели приключений. Герой «Смерти африканского охотника» (1914) мечтает о пиратах, сокровищах, американских прериях, индейцах. В итоге ребенок-фантазер испытывает разочарование в возможности реализации своих иллюзий так же, как Додя («Блины Доди») терпит крах своих представлений о блинах. У героя «настроение падает» от мысли о несоответствии его идеальных представлений тому, что он видит в зверинце: «Чем дальше, тем больше падало мое настроение: худосочная девица надевала себе на шею удава, будто это был вязаный шерстяной платок» (Аверченко, 1989, с. 276). В рассказе звучит грусть от прощания героя со своим детством: «Я вынул Буссенара, Майн Рида и уселся у подножия скалы. Перелистал книги... Я вздохнул. Прощай, мое детство, мое сладкое, изумительно интересное детство...» (Аверченко, 1989, с. 278). Автор особенно подчеркивает, что, когда мальчик перестает верить в мир мечты, приключений и существование экзотических стран, он прекращает быть ребенком и становится юношей. Именно в детстве живет наивная и чистая вера в то, что мечта может осуществиться в реальности.

Пора детства в прозе А. Т. Аверченко – это время счастья и безмятежности. Это «бурная радость по поводу какого-нибудь печального события, которое давало возможность пропустить учебный день», «большая перемена в саду под акациями» (Аверченко, 1989, с. 279). «Обращая взор к тихим розовым долинам» детства, можно испытывать и «подавленный ужас» перед «страшным мальчиком» – Ванькой Аптекаренком, и радоваться при покупке новых чистых тетрадок («Страшный мальчик», 1916). Однако все эти радости и страхи в детстве незначительны, несерьезны, легко переживаются и преодолеваются. Через годы во взрослом авторе возникает «такая жалость по ушедшем сладком детстве», что «показываются слезы на глазах» (Аверченко, 1989, с. 286).

Выводы

Важной особенностью воплощения художественной модели человека и бытия в рассказах о детстве А. Т. Аверченко становится оппозиция, противопоставленность героя-ребенка и взрослого персонажа. Обращение к детству позволяет писателю обнажить нелепость обыденного взрослого мировосприятия. Автора интересует ограниченность зрелого обывателя, бессмысленность гимназической педагогики. В детях заключено светлое, положительное начало, они предстают воплощением чистоты, искренности, наивности, доброты, чувства собственного достоинства и здравого смысла. Уродливая внешняя обыденность взрослого мира особенно отчетливо осознается героем-ребенком. Сама модель детского мира построена иным способом, нежели у взрослых. Временной континуум как значимый миромоделирующий уровень структурируется так, что год обладает большей протяженностью, чем в восприятии зрелого персонажа. Модель бытия мира и героя-ребенка рассказов А. Т. Аверченко содержит элемент чудесного. В ребенке

окружающая действительность предстает необычной, вызывает восторг и удивление. Для малой прозы о детстве А. Т. Аверченко характерна особая субъектная организация текста, смысловым центром которого является ребенок. Автор раскрывает многогранность детских характеров и своеобразие психологии. Тема детства в дооктябрьский период пронизана юмористическим началом. В эмигрантский период детская тема обретает трагическое звучание. В рассказах появляются образы детей, на которых с наибольшей отчетливостью отразились происходящие в стране катастрофические изменения. Художественная модель бытия, выстраиваемая в тексте, соположена с понятиями раннего взросления ребенка. Страшная, трагическая действительность заставляет детей терять безмятежность, «невинность» детства. Смысловая пространственная модель бытия малой прозы А. Т. Аверченко включает антиномию: страшный, расколотый мир взрослых / гармоничный мир детей. Военная действительность воспринимается ребенком нормой, потому что стрельба сопровождает всю ее недолгую жизнь. Хронотопическая модель реализуется автором через особый миромоделирующий уровень (временной континуум), обладающий характеристиками протяженности, когда происходит несовпадение настоящего времени жизни ребенка и его жизненного опыта. В произведениях писателя появляется грусть и ностальгия по утраченному счастливому детству.

Источники

Аванесян И. Б. (2020) Художественная модель мира в произведениях отечественных писателей конца XX – начала XXI вв. в парадигме христианской духовности: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь. 165 с.
Аверченко А. (1985) Избранные рассказы. М., Советская Россия, 349 с.
Аверченко А. (1989) Записки Простодушного. М., Терра, 240 с.
Богданова М. В. (2000) Проблема жанрового своеобразия литературного и публицистического творчества А. Т. Аверченко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 22 с.
Гарипова Г. Т. (2021) Принципы миромоделирования в русской прозе XX века: неклассическая парадигма художественности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Владимир, 42 с.
Гурова Е. К. (2000) Особенности сатирического дискурса: На материале рассказов и фельетонов А. Т. Аверченко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 21 с.
Егорова Н. С. (2014) Художественное своеобразие женских типов в прозе А. Т. Аверченко: образ девочки. Казанская наука, № 4, с. 151–156.
Коротких А. В. (2002) Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: дис. ... канд. филол. наук. Южно-Сахалинск, 236 с.
Кузьмина О. А. (2003) Рассказы А. Т. Аверченко. Жанр. Стиль. Поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 19 с.
Кучерявых Ю. Н. (2019) Языковая игра в художественных текстах А. Т. Аверченко: прагматические характеристики и структурно-семантические формы реализации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 25 с.
Левицкий Д. А. (1999) Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М., Русский путь, 450 с.
Миленко В. Д. (2010) Аркадий Аверченко. М., Молодая гвардия, 327 с.
Николаев Д. Д. (1993) Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко. Две тенденции развития русской юмористики: дис. ... канд. филол. наук. М., 211 с.
Пильский П. М. (1916) Критические строки. СПб., № 17. 323 с.
Салова О. И. (2016) Детские образы в рассказах А. Т. Аверченко: к вопросу о возможной классификации. Вестник МГОУ. Серия Русская филология, № 4, с. 156–165.
Салова О. И. (2016) Рассказ А. Т. Аверченко «Продувной мальчишка»: из опыта анализа текста. Вестник ТвГУ. Серия «Филология», № 3, с. 294–299.
Салова О. И. (2016) Рассказ А. Т. Аверченко «Кулич» из сборника «Дети». Вопросы русской литературы, № 1–3, с. 46–61.
Салова О. И. (2021) Многообразие детских характеров и особенности их художественного воплощения в сборнике А. Т. Аверченко «Дети» (1922): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 30 с.
Спиридонова Л. А. (1993) Русская сатирическая литература начала XX века. М., Нева, 400 с.
Тозыякова Е. А. (2007) О. И. Сенковский – барон Брамбеус: принципы художественного миромоделирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 18 с.
Эмер Ю. А. (2011) Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 39 с.

References

Avanesjan I. B. (2020) Hudozhestvennaja model’ mira v proizvedenijah otechestvennyh pisatelej konca XX – nachala XXI vv. v paradigme hristianskoj duhovnosti [The artistic model of the world in the works of Russian writers of the late 20th – early 21st centuries. in the paradigm of Christian spirituality]. Dis. ... Cand. Philol. Sci. Stavropol, 165 p. (In Russian).

Averchenko A. (1985) Izbrannye rasskazy [Selected stories]. Moscow, Sovetskaja Rossija Publ., 349 p. (In Russian).
Averchenko A. (1989) Zapiski Prostodushnogo [Notes of the Innocent]. Moscow, Terra Publ., 240 p. (In Russian).
Bogdanova M. V. (2000) Problema zhanrovogo svoeobrazija literaturnogo i publicisticheskogo tvorchestva A. T. Averchenko [The problem of genre originality of literary and journalistic creativity of A. T. Averchenko]. Abstr. Dis. ...Cand. Philol. Sci. Krasnodar, 22 p. (In Russian).
Egorova N. S. (2014) Hudozhestvennoe svoeobrazie zhenskih tipov v proze A. T. Averchenko: obraz devochki [Artistic originality of female types in the prose of A. T. Averchenko: the image of a girl]. Kazan Science, no. 4, pp. 151–156 (In Russian)
Emer Yu. A. (2011) Miromodelirovanie v sovremennom pesennom fol'klore: kognitivno-diskursivnyj analiz [World modeling in modern song folklore: cognitive-discursive analysis]. Abstr. Dis. ... Dr. Philol. Sci. Tomsk, 39 p. (In Russian).
Garipova G. T. (2021) Principy miromodelirovanija v russkoj proze HH veka: neklassicheskaja paradigma hudozhestvennosti [Principles of world modeling in Russian prose of the twentieth century: non-classical paradigm of artistry]. Abstr. Dis. ... Dr. Philol. Sci. Vladimir, 42 p. (In Russian).
Gurova E. K. (2000) Osobennosti satiricheskogo diskursa: Na materiale rasskazov i fel'etonov A. T. Averchenko [Features of satirical discourse: Based on the stories and feuilletons of A. T. Averchenko]. Abstr. Dis. ...Cand. Philol. Sci. Moscow, 21 p. (In Russian).
Korotkih A. V. (2002) Detskie obrazy v jumoristicheskoj proze Sashi Chernogo, A. Averchenko i Tjeffi [Children's images in the humorous prose of Sasha Cherny, A. Averchenko and Teffi]. Dis. ... Cand. Philol. Sci. Yuzhno-Sakhalinsk, 236 p. (In Russian).
Kucherjavyh Ju. N. (2019) Jazykovaja igra v hudozhestvennyh tekstah A. T. Averchenko: pragmaticheskie harakteristiki i strukturno-semanticheskie formy realizacii [Language game in literary texts by A. T. Averchenko: pragmatic characteristics and structural-semantic forms of implementation]. Abstr. Dis. ...Cand. Philol. Sci. Krasnodar, 25 p. (In Russian).
Kuzmina O. A. (2003) Rasskazy A. T. Averchenko. Zhanr. Stil'. Pojetika [Stories by A. T. Averchenko. Genre. Style. Poetics]. Abstr. Dis. ...Cand. Philol. Sci. Tver', 19 p. (In Russian).
Levickij D. A. (1999) Zhizn' i tvorcheskij put' Arkadija Averchenko [Life and creative path of Arkady Averchenko]. Moscow, Russkiy put' Publ., 450 p. (In Russian).
Milenko V. D. (2010) Arkadij Averchenko [Arkady Averchenko]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 327 p. (In Russian).
Nikolaev D. D. (1993) Tvorchestvo N. A. Tjeffi i A. T. Averchenko. Dve tendencii razvitija russkoj jumoristiki [Creativity of N. A. Teffi and A. T. Averchenko. Two trends in the development of Russian humor]. Dis. ...Cand. Philol. Sci. Moscow, 211 p. (In Russian).
Pil'skij P. M. (1916) Kriticheskie stroki [Critical lines]. Saint Petersburg, no. 17, 323 p. (In Russian).
Salova O. I. (2016) Detskie obrazy v rasskazah A. T. Averchenko: k voprosu o vozmozhnoj klassifikacii [Children's images in the stories of A. T. Averchenko: on the question of possible classification]. Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Russian philology", no. 4, pp. 156–165 (In Russian).
Salova O. I. (2016) Rasskaz A. T. Averchenko "Produvnoj mal'chishka": iz opyta analiza teksta [The story of A. T. Averchenko "The Clear Boy": from the experience of text analysis]. Vestnik TvGU Series: Philology, no. 3, pp. 294–299 (In Russian).
Salova O. I. (2016) Rasskaz A. T. Averchenko "Kulich" iz sbornika "Deti" [The story of A. T. Averchenko "Kulich" from the collection "Children"]. Voprosy russkoy literatury – Questions of Russian literature, no. 1–3, pp. 46–61 (In Russian).
Salova O. I. (2021) Mnogoobrazie detskih harakterov i osobennosti ih hudozhestvennogo voploshhenija v sbornike A. T. Averchenko "Deti" (1922) [The variety of children's characters and the features of their artistic embodiment in A. T. Averchenko's collection "Children" (1922)]. Abstr. Dis. ...Cand. Philol. Sci. Mytishchi, 30 p. (In Russian).
Spiridonova L. A. (1993) Russkaja satiricheskaja literatura nachala XX veka [Russian satirical literature of the early 20th century]. Moscow, Neva Publ., 400 p. (In Russian).
Tozyjakova E. A. (2007) O. I. Senkovskij – baron Brambeus: principy hudozhestvennogo miromodelirovanija [O. I. Senkovsky – Baron Brambeus: principles of artistic world modeling]. Abstr. Dis. ...Cand. Philol. Sci. Tomsk, 18 p. (In Russian).

Информация об авторе

Шестакова Елена Юрьевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка. Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) Федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске, г. Северодвинск, РФ.
ORCID ID: 0000-0001-5764-0576.
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Autor's information

Elena Yu. Shestakova
Cand. Sc. (Philol.), Associate Professor of the Department of Literature and Russian Language. Humanitarian Institute of the branch of the Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk, Severodvinsk, Russian Federation.
ORCID ID: 0000-0001-5764-0576.
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru